

В. И. Ленин (Ленин)

ТОМ 6

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений.
Том 6. Январь – август 1902**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 6. Январь – август 1902 /

В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В шестой том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (осень 1901 – февраль 1902 года) и произведения, написанные в январе – августе 1902 года.

Содержание

Предисловие	6
1902 г.	11
Что делать?	11
Предисловие	13
I. Догматизм и «Свобода критики»	14
а) Что значит «Свобода критики»?	14
б) Новые защитники «Свободы критики»	18
в) Критика в России	21
г) Энгельс о значении теоретической борьбы	25
II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии	28
а) Начало стихийного подъема	29
б) Преклонение пред стихийностью. «Рабочая мысль»	31
в) «Группа самоосвобождения» {38} и «рабочее дело»	36
III. Тред-юнионистская и социал-демократическая политика	41
а) Политическая агитация и ее сужение экономистами	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 6
Январь ~ август 1902

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета коммунистической партии Советского Союза

Предисловие

В шестой том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (осень 1901 – февраль 1902 года) и произведения, написанные в январе – августе 1902 года.

В России в это время происходило дальнейшее углубление и обострение революционного кризиса; все более массовый характер принимало революционное движение против самодержавно-помещичьего строя. Демонстрации и стачки рабочих Петербурга, Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Батума в феврале – марте 1902 года, первомайские демонстрации в Саратове, Вильно, Баку, Нижнем Новгороде и других городах были ярким свидетельством растущей активности и политической зрелости рабочего класса – авангарда всенародной борьбы против царского самодержавия. На восстание против помещиков поднялись крестьяне Харьковской, Полтавской, Саратовской губерний; «аграрными беспорядками» были охвачены также многие другие местности, особым упорством и организованностью отличались выступления крестьян Гурии (Кутаисская губ.). «Крестьяне решили, – и решили совершенно правильно, – что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодной смертью» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 6, стр. 385).

В этой обстановке исключительно большое значение приобрела борьба ленинской «Искры» против «экономизма», являвшегося главным тормозом рабочего и социал-демократического движения в России, за идейное и организационное сплочение революционных марксистских элементов российской социал-демократии, за создание партии нового типа, непримиримой к оппортунизму, свободной от кружковщины и фракционности, партии – политического руководителя рабочего класса, организатора и вождя революционной борьбы против самодержавия и капитализма.

Выдающуюся роль в борьбе за марксистскую рабочую партию сыграла вышедшая в марте 1902 года книга В. И. Ленина «Что делать?». В ней Ленин обосновал и развил применительно к новой исторической обстановке идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о партии как революционизирующей, руководящей и организующей силе рабочего движения, разработал основы учения о партии нового типа, партии пролетарской революции. В этом замечательном произведении революционного марксизма русские социал-демократы нашли ответы на волновавшие их вопросы: о соотношении сознательного и стихийного элементов рабочего движения, о партии как политическом вожде пролетариата, о роли российской социал-демократии в назревавшей буржуазно-демократической революции, об организационных формах, путях и методах создания боевой революционной пролетарской партии.

Книга «Что делать?» завершила идейный разгром «экономизма», который Ленин рассматривал как разновидность международного оппортунизма (бернштейнианства) на русской почве. Ленин вскрыл корни оппортунизма в рядах социал-демократии: влияние буржуазии и буржуазной идеологии на рабочий класс, преклонение перед стихийностью рабочего движения, принижение роли социалистического сознания в рабочем движении. Он писал, что оппортунистическое направление в международной социал-демократии, сложившееся в конце XIX – начале XX века и выступившее с попыткой ревизии марксизма под флагом «свободы критики», целиком заимствовало свои «теории» из буржуазной литературы, что пресловутая «свобода критики» – это не что иное, как «свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» (настоящий том, стр. 9).

Ленин показал, что между социалистической идеологией пролетариата и буржуазной идеологией идет непрерывная и непримиримая борьба: «... Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому *всякое* умаление социа-

листической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» (стр. 39–40). Социалистическое сознание, разъяснял он, возникает не из стихийного рабочего движения, оно вносится в рабочее движение революционной марксистской партией. И важнейшей задачей пролетарской партии является борьба за чистоту социалистической идеологии, против буржуазного влияния на рабочий класс, против оппортунистов – проводников и носителей буржуазной идеологии в рабочем движении.

Ленин раскрыл величайшее значение теории научного социализма для рабочего движения, для всей деятельности революционной марксистской партии рабочего класса: «...*Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*» (стр. 25). Ленин указывал, что значение передовой теории особенно велико для русской социал-демократии, в силу исторических особенностей ее развития и стоявших перед ней революционных задач.

В книге «Что делать?», как и в других ленинских произведениях искровского периода, серьезное внимание уделено обоснованию тактики пролетариата России и его партии. Рабочий класс, писал Ленин, должен и может возглавить общенародное демократическое движение против самодержавно-помещичьего строя, стать авангардом всех революционных и оппозиционных сил русского общества. Поэтому организация всестороннего политического обличения самодержавия являлась важнейшей задачей российской социал-демократии, одним из непременных условий политического воспитания пролетариата. Это был один из «наболевших вопросов» социал-демократического движения в России. «Экономисты», проповедуя глубоко ошибочные и вредные взгляды на классовую борьбу пролетариата, ограничивали ее областью экономической, профессиональной, борьбы. Такая политика, политика тред-юнионизма, неизбежно приводила рабочее движение к подчинению буржуазной идеологии и буржуазной политике. В противовес этой оппортунистической линии Ленин выдвинул и обосновал важнейшее положение марксизма-ленинизма о первостепенном значении политической борьбы в развитии общества, в пролетарской борьбе за социализм: «... Самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономической интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата» (стр. 46).

Большой вред социал-демократическому движению в России нанесло преклонение «экономистов» перед стихийностью в области организационных задач пролетариата, их «кустарничество» в вопросах партийного строительства. Источник кустарничества «экономистов» Ленин видел в принижении задач социал-демократии до уровня тред-юнионизма, в смешении двух типов организации рабочего класса: профессиональных союзов для организации экономической борьбы рабочих и политической партии как высшей формы классовой организации рабочего класса. Ленин считал первой и самой важной задачей русских социал-демократов создание общероссийской централизованной организации революционеров, т. е. политической партии, неразрывно связанной с массами, способной руководить революционной борьбой рабочего класса. Как приступить к созданию такого рода организации, какой избрать путь, – Ленин показал еще в статье «С чего начать?», напечатанной в мае 1901 года в «Искре» № 4 (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1–13), и подробно обосновал в книге «Что делать?».

Широкое распространение в России книги Ленина способствовало победе ленинско-искровского направления в РСДРП. Книга «Что делать?» сыграла большую роль в сплочении партийных кадров на основе марксизма, в подготовке II съезда партии и создании революционной марксистской партии в России. В этом произведении В. И. Ленин нанес сильный удар ревизионистам в западноевропейских социал-демократических партиях в лице Бернштейна и его сторонников, разоблачил их оппортунизм и предательство интересов рабочего класса.

Исключительно большое значение для идейного сплочения русских революционных социал-демократов имел проект программы РСДРП, выработанный в первой половине года редакцией «Искры» и «Зари» и принятый на II съезде РСДРП (июль – август г.). Напечатанные в настоящем томе «Материалы к выработке программы РСДРП» ярко характеризуют роль В. И. Ленина в подготовке искровского проекта партийной программы, в той принципиальной борьбе, которая сопровождала обсуждение различных проектов в редакции «Искры». Благодаря Ленину в проекте программы было четко сформулировано важнейшее положение марксизма о диктатуре пролетариата; позднее Ленин писал, что вопрос о диктатуре пролетариата был включен в программу РСДРП «именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 314). В спорах с Плехановым, который проявил колебания по ряду принципиальных положений марксизма, подвергшихся нападкам бернштейнианцев, Ленин отстаивал включение в проект программы тезиса о вытеснении мелкого производства крупным как закономерном процессе капиталистического общества; по его настоянию в проекте программы было точно указано на руководящую роль партии как сознательной выразительницы классового движения пролетариата и ясно выражена идея гегемонии рабочего класса.

Одним из важнейших разделов искровского проекта программы РСДРП была его аграрная часть, написанная В. И. Лениным. Необходимость принципиально выдержанной аграрной программы была тем более настоятельной, что марксистские идеи по аграрному вопросу социал-демократам приходилось утверждать в борьбе с возрождавшимся, в лице партии эсеров, народничеством, претендовавшим на роль выразителя и защитника интересов крестьянства. Без аграрной программы, без определения руководящих начал социал-демократической политики в крестьянском вопросе, РСДРП не могла бы выполнить важнейшей задачи упрочения своего влияния на крестьянство, укрепления складывавшегося в начале XX века союза рабочего класса и крестьянства. В аграрной программе русской революционной социал-демократии были выдвинуты требования учреждения крестьянских комитетов для возвращения крестьянам тех земель, которые были отрезаны у них при уничтожении крепостного права, отмены выкупных и оброчных платежей и круговой поруки и т. д.; эти требования пролетарской партии были рассчитаны на то, чтобы поднимать крестьянство на борьбу со всеми остатками крепостничества, содействовать развитию классовой борьбы в деревне.

В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» Ленин разъяснил основные требования социал-демократической аграрной программы накануне буржуазно-демократической революции, дал глубокий анализ их классового содержания и исторической обусловленности. Ленин указывал, что требование возвращения отрезков «является наиболее важным, центральным, придающим особый характер аграрной программе пунктом» (настоящий том, стр. 323). Вместе с тем он считал возможным «в известный революционный момент» выдвинуть требование национализации земли вместо требования вернуть отрезки. Это положение статьи вызвало серьезные разногласия в редакции «Искры»: против него выступили Плеханов, Аксельрод и Мартов, недооценивавшие революционные возможности и значение крестьянского движения. Эти разногласия отчасти предвосхитили будущие разногласия между большевиками и меньшевиками. Впоследствии, в период первой русской революции 1905–1907 годов, в обстановке мощного подъема крестьянского движения, Ленин поставил вопрос о пересмотре аграрной программы партии, о замене требования возвращения отрезков требованием конфискации всей помещичьей земли и, при определенных политических условиях, национализации земли.

Написанный Лениным «Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП», его «Письмо «Северному союзу РСДРП»», заметки «Ответ «Читателю»» и «О группе «Борьба»» посвящены борьбе «Искры» за идейное и организационное сплочение

РСДРП на основе программы, тактики и организационных принципов революционного марксизма.

В «Докладе редакции «Искры»...» Ленин резко выступает против попытки «экономистов» превратить созванную ими в Белостоке (в конце марта 1902 года) конференцию во II съезд партии; он выдвигает план всесторонней и основательной подготовки съезда РСДРП, который сумел бы воссоздать партию и решить важнейшие общепартийные вопросы: принять программу, выработать тактику пролетарской борьбы против самодержавия и капитализма и др. Ленин писал, что «от съезда Российской социал-демократической рабочей партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте *всех* революционных задач современности», что «если мы спасаем *теперь*, в такой поистине критический момент, то мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе» (стр. 295).

Письмо Ленина «Северному союзу РСДРП» – организации, которая одной из первых оказала поддержку «Искре», – является образцом товарищеской принципиальной критики. Отмечая недостатки «программы», принятой на съезде «Северного союза» в январе 1902 года, и вскрывая непонимание ее составителями ряда важнейших вопросов теории марксизма, Ленин призывал деятелей «Северного союза» принять активное участие как в деле партийного объединения революционной социал-демократии, так и в выработке программы партии.

В обстановке назревания революции в России, под влиянием усилившегося революционного движения рабочих, крестьян, всех трудящихся происходит организационное и политическое оформление революционных и оппозиционных партий и течений. РСДРП должна была определить свое отношение к этим партиям и течениям в соответствии с тем, интересы каких классов и слоев они выражали.

В конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения российских и зарубежных народнических групп и кружков возникла партия социалистов-революционеров (эсеров). Оживление «старчески дряхлого народничества» представляло серьезную опасность для революционной марксистской партии и вновь поставило перед социал-демократией задачу борьбы с этим направлением мелкобуржуазного социализма: «Социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну», – писал В. И. Ленин в статье «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» (стр. 374). Резкой критике аграрной программы и тактики эсеров посвящена статья Ленина «Революционный авантюризм». На принципиальное различие тактических взглядов революционных социал-демократов и эсеров Ленин указал также во введении к прокламации Донского комитета РСДРП «К русским гражданам» (в Сочинениях печатается впервые).

Напечатанные в «Искре» статьи В. И. Ленина «Политическая агитация и «классовая точка зрения»» и «Письмо к земцам» посвящены обоснованию тактики социал-демократии в отношении оппозиционного движения либеральной буржуазии. Ленин считал возможным и необходимым использовать это движение, поощрять проявление недовольства и протеста в среде либералов, критикуя в то же время их половинчатость и трусость: «Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставляя его двинуться на аршин. А упрется, – так мы пойдем вперед без него и через него» (стр. 270).

В статьях «По поводу государственной росписи», «Признаки банкротства», «Из экономической жизни России», «Проект нового закона о стачках» В. И. Ленин анализирует экономическое положение России, разоблачает антинародный характер политики царизма, рисует яркую картину разложения самодержавно-помещичьего строя.

В разделе «Подготовительные материалы» в томе напечатаны «Конспект первого проекта программы Плеханова с некоторыми поправками к нему», «План сообщения о ходе выработки

проекта программы», «Первоначальный вариант теоретической части проекта программы», «Наброски плана проекта программы», «Наброски проекта программы»; впервые печатаются: «Набросок отдельных пунктов практической части проекта программы», «Запись I и II абзацев первого проекта программы Плеханова и набросок первого абзаца теоретической части программы», «Первоначальный вариант аграрной части и заключения проекта программы», «Добавления в аграрный и фабричный отделы проекта программы». Эти материалы свидетельствуют об огромной работе Ленина, проделанной им при подготовке «Проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии»; они расширяют наши представления о роли Ленина в выработке общередакционного проекта практической части программы партии, для которой Ленин написал не только аграрный отдел, но и первоначальный вариант заключения. Большой интерес представляет также набросок первого абзаца теоретической части ленинского проекта программы РСДРП, иллюстрирующий один из серьезнейших споров внутри редакции «Искры»: на мюнхенском совещании редакции «Искры» в январе 1902 года при обсуждении первого проекта Плеханова был «оставлен открытым (3 голоса за и 3 против) вопрос о том, не начать ли с указания на Россию» (Ленинский сборник II, 1924, стр. 15), как предлагал Ленин.

В разделе «Подготовительные материалы» напечатаны также «Ответы на замечания Плеханова и Аксельрода на статью «Аграрная программа русской социал-демократии»», связанные с конфликтом между Лениным и Плехановым при обсуждении этой статьи в редакции «Искры».

В разделе «Приложения» в томе напечатаны два письма Ленина директору Британского музея (21 и 24 апреля 1902 года) с просьбой о предоставлении ему возможности заниматься в библиотеке музея.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1902 г.

Что делать?

«...Партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...»

(Из письма Лассаля к Марксу от 24 июня 1852 г.)

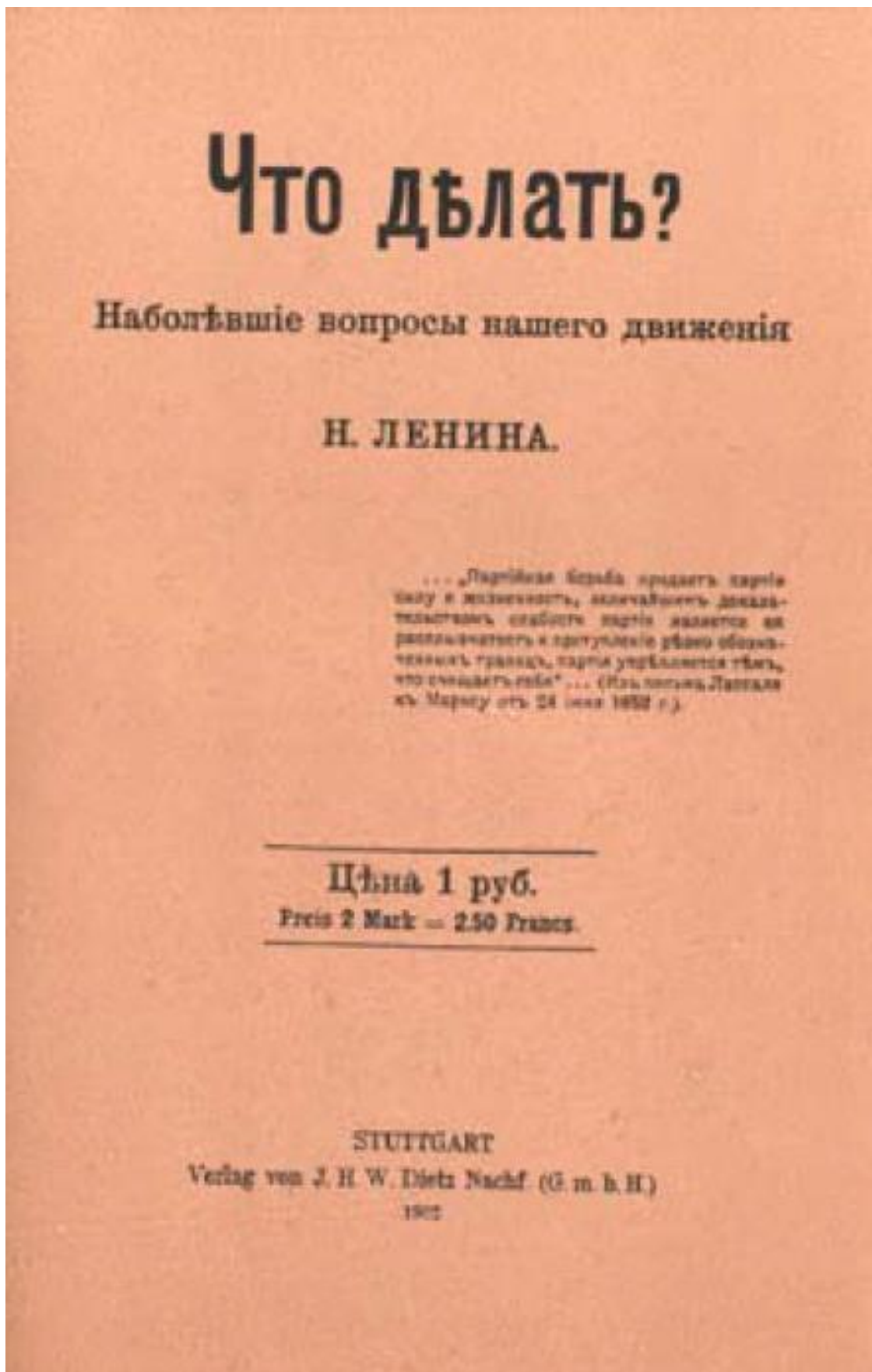
Наболевшие вопросы нашего движения^[1]

Написано осенью 1901 – в феврале 1902 г.

Напечатано в марте 1902 г. в Штутгарте отдельной книгой

Печатается по тексту книги, сверенному с текстом сборника: Вл. Ильин. «За 12 лет»,

1907

Обложка книги В. И. Ленина «Что делать?». – 1902 г. (Уменьшено)

Предисловие

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» («Искра»^[2] № 4, май 1901 г.)¹. И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего (1901) года^[3]. Естественно было дожидаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и во всяком случае такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела»^[4] в № 10 к «экономизму». Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете»^[5] при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме, не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, «экономизм» оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово «экономизм» в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры» (декабрь 1901 г.) в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры²). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частности. С другой стороны, недоумение «экономистов» по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы *не можем* поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать *ab ovo*³. что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, *систематического «объяснения»* со всеми «экономистами» по *всем* коренным пунктам наших разногласий. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но не видя в то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной в статье «С чего начать?» обещание. К извинению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать *до последней степени наспех*, отрываемый притом всякими другими работами.

---

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 1–13. *Ред.*

² См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 360–367. *Ред.*

³ С самого начала. *Ред.*

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столкнуться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение разницы между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи – в объяснение разницы между удовлетворяющим «экономистов» кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье «С чего начать?» вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с «экономистами», который оказался, однако, неизбежным; – что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный «экономизм», а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту *целого периода* в истории русской социал-демократии; – что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Февраль 1902 г.

Н. Ленин

І. Догматизм и «Свобода критики»

а) Что значит «Свобода критики»?

«Свобода критики» – это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздалась голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» – должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной⁴ социал-демократии образовались два направления, борьба между которыми то разгорается и

---

⁴ Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенахцами^{131}, между гедистами и POSSИБИЛИСТАМИ^{132}, между фабианцами и социал-демократами^{133}, между народовольцами^{134} и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министерялисты, немецкие бернштейнианцы^{135}, русские критики, – все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о

^[131] *Лассальянцы и эйзенахцы* – две партии в германском рабочем движении 60-х и начала 70-х годов XIX века, между которыми шла ожесточенная борьба главным образом по вопросам тактики и прежде всего по самому острому вопросу политической жизни Германии тех лет: о путях ее воссоединения. *Лассальянцы* – сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассалья, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге – в противовес буржуазным прогрессистам, стремившимся подчинить рабочий класс своему влиянию. Первым президентом ВГРС был Лассаль, сформулировавший программу и основы тактики Союза. Борьба за всеобщее избирательное право была провозглашена политической программой ВГРС, создание производительных рабочих ассоциаций, субсидируемых государством, – его экономической программой. В своей практической деятельности Лассаль, его сторонники и преемники, приспособившиеся к гегемонии Пруссии, поддерживали великодержавническую политику Бисмарка; «объективно, – писал Ф. Энгельс К. Марксу 27 января 1865 года, – это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232). К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы лассальянства как оппортунистического течения в германском рабочем движении. *Эйзенахцы* – члены Социал-демократической рабочей партии Германии, основанной в 1869 году на учредительном съезде в Эйзенахе. Вождями эйзенахцев были А. Бебель и В. Либкнехт, находившиеся под идейным влиянием К. Маркса и Ф. Энгельса. В эйзенахской программе указывалось, что Социал-демократическая рабочая партия Германии считает себя «секцией Международного товарищества рабочих и разделяет его стремления». Эйзенахцы, благодаря постоянным советам и критике Маркса и Энгельса, проводили более последовательную революционную политику, чем лассальянский Всеобщий германский рабочий союз; в частности, в вопросах воссоединения Германии они отстаивали «демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 265). Создание Германской империи в 1871 году устранило главное тактическое расхождение между лассальянцами и эйзенахцами, и в 1875 году, под влиянием подъема рабочего движения и усиления правительственных репрессий, обе партии объединились на съезде в Готе в единую Социалистическую рабочую партию Германии (впоследствии – Социал-демократическая партия Германии). О программе, принятой на Готском съезде, см. примечание 37.

^[132] *Гедисты и поссибилиты* – революционное и оппортунистическое течения во французском социалистическом движении, образовавшие в 1882 году, после раскола Рабочей партии Франции на Сент-Эгъенском конгрессе, две партии: *Гедисты* – сторонники Ж. Гед и П. Лафарга – левое марксистское течение, отстаивавшее самостоятельную революционную политику пролетариата. Гедисты сохранили название «Рабочая партия Франции» и остались верны принятой в 1880 году Гаврской программе партии, теоретическая часть которой была написана К. Марксом. Они пользовались большим влиянием в промышленных центрах Франции, объединяли передовые элементы рабочего класса. *Поссибилиты* (П. Бруссе, Б. Малон и др.) – мелкобуржуазное, реформистское течение, отвлекавшее пролетариат от революционных методов борьбы. Поссибилиты образовали «Рабочую социально-революционную партию»; они отрицали революционную программу и революционную тактику пролетариата, затушевывали социалистические цели рабочего движения, предлагали ограничивать борьбу рабочих рамками «возможного» (possible), – отсюда и название партии. Влияние поссибилитов распространялось главным образом на более экономически отсталые районы Франции и менее развитые слои рабочего класса. В конце XIX – начале XX века, в связи с вступлением «социалиста» Мильерана в буржуазное министерство, в рядах французского социализма происходит новая перегруппировка сил: сторонники революционной классовой борьбы во главе с Ж. Гедом объединились в 1901 году в Социалистическую партию Франции (членов которой также стали называть по имени ее вождя – гедистами); реформисты, приверженцы сотрудничества с буржуазией и участия в органах управления буржуазного государства («министерялисты»), образовали в 1902 году Французскую социалистическую партию во главе с Ж. Жоресом. В 1905 году обе партии объединились в одну, Французскую социалистическую партию. Во время империалистической войны 1914–1918 годов руководство этой партии (Гед, Самба и др.), изменив делу рабочего класса, перешло на позиции социал-шовинизма.

^[133] *Фабианцы* – члены Фабианского общества, английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции – ученые, писатели, политические деятели (как, например, С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Р. Макдональд и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. Враждебное марксизму Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, расадника оппортунистических и социал-шовинистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление крайнего оппортунизма» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 328). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов. *Социал-демократы*. – Ленин имеет в виду членов английской Социал-демократической федерации, основанной также в 1884 году. Наряду с реформистами (Гайндман и др.) и анархистами в Социал-демократическую федерацию входила группа революционных социал-демократов, сторонников марксизма (Г. Квелч, Т. Манн, Э. Эвелинг, Элеонора Маркс и др.), составлявших левое крыло социалистического движения Англии. Ф. Энгельс резко критиковал Социал-демократическую федерацию за догматизм и сектантство, за оторванность от массового рабочего движения Англии и игнорирование его особенностей. В 1907 году Социал-демократическая федерация была названа Социал-демократической партией; последняя в 1911 году, совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии, образовала Британскую социалистическую партию; в 1920 году большинство членов этой партии приняло участие в основании Коммунистической партии Великобритании.

^[134] *Народовольцы* – члены тайной политической организации народников-террористов «Народная воля», возникшей в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполни-

перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, – то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу

тельный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях утопического народнического социализма, народовольцы, вместе с тем, выдвигали задачи достижения политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. Ближайшей целью «Народной воли» было свержение царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об «активных» героях и «пассивной» толпе, народовольцы рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию «Народной воли». Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавляемая А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены. Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин в то же время с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом. В 1899 году, в «Протесте российских социал-демократов», он указывал, что «деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория» (Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 176).

^[135] *Бернштейнианцы* – представители враждебного марксизму течения в германской и международной социал-демократии, возникшего в конце XIX века и названного по имени Эд. Бернштейна, наиболее откровенного представителя право-оппортунистических тенденций в Германской социал-демократической партии. В 1896–1898 годах Бернштейн выступил в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») с серией статей «Проблемы социализма», в которых под флагом «свободы критики» пытался подвергнуть пересмотру (ревизии, отсюда – «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их буржуазными теориями примирения классовых противоречий и классового сотрудничества; он нападал на учение Маркса об обнищании рабочего класса, о растущих классовых противоречиях, о кризисах, о неизбежном крахе капитализма, о социалистической революции и диктатуре пролетариата – и выдвигал программу социал-реформизма, выраженную в формуле «движение – все, конечная цель – ничто». В 1899 году статьи Бернштейна вышли отдельной книгой под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Книга встретила поддержку правого крыла германской социал-демократии и оппортунистических элементов в других партиях II Интернационала, в том числе российских «экономистов». На съездах Германской социал-демократической партии – Штутгартском (октябрь 1898 г.), Ганноверском (октябрь 1899 г.) и Любекском (сентябрь 1901 г.) – бернштейнианство было осуждено, но партия не отмежевалась от Бернштейна, заняв примиренческую позицию. Бернштейнианцы продолжали открыто пропагандировать ревизионистские идеи в журнале «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») и в партийных организациях. Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным вела последовательную и решительную борьбу против бернштейнианства и его сторонников в России. Ленин выступил против бернштейнианцев уже в 1899 году, в «Протесте российских социал-демократов» и в статье «Наша программа» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163–176 и 182–186). Разоблачению бернштейнианства были посвящены также его работы «Марксизм и ревизионизм» (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 15–25), «Разногласия в европейском рабочем движении» (там же, том 16, стр. 317–322) и другие.

вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера^[6]. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожеления оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой методы». Франция и на этот раз оправдала свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»)^[7]. Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, – недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, – тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, – то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (*knouteur, pendeur et deportateur*)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс – этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, – в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, – то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода – великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда – грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото! – а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! – Ода, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши

руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

б) Новые защитники «Свободы критики»

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов»^[8], выдвинут не как теоретический постулат, а как политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?» – «Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенных вывода: 1. «Рабоч. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2. «Р. Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Р. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари»^[9] пророчить разрыв между *Горой* и *Жирондой*^[10] международной социал-демократии»^{5{136}}.

«Нам вообще, – пишет редактор «Р. Д.» Б. Кричевский, – разговор о *Горе* и *Жиронде* в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: Гора и Жиронда представляли не разные темпераменты или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои – среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32–33).

Смелое утверждение! Не слышал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет *слоя* «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнианства? А главное, – на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бернштейнцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнцев ровно никакими ни доводами, ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что говорят про себя и самые отъявленные бернштейнцы, – то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что говорят сами про себя представители

---

⁵ Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское – «Гора» – и жирондистское) было сделано в передовой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.). Автор этой статьи – Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и кадеты, и «беззаглавцы»^[136], и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла социал-демократии, – об этом ныне предпочитают молчать или... забывать. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

^[136] «*Беззаглавцы*» – полукадетская, полуменьшевистская группа русской буржуазной интеллигенции (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский, В. В. Португалов, В. В. Хижняков и др.), сложившаяся в период начавшегося спада революции 1905–1907 годов. Свое название группа получила по издававшемуся в Петербурге в январе – мае 1906 года под редакцией Прокоповича политическому еженедельнику «Без Заглавия»; позже «беззаглавцы» группировались вокруг левокадетской газеты «Товарищ». Прикрываясь своей формальной беспартийностью, «беззаглавцы» являлись проповедниками идей буржуазного либерализма и оппортунизма, поддерживали ревизионистов российской и международной социал-демократии.

этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34–35 «Р. Д.»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики, – французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского – ответим мы на это – показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому». Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той и другой страны, сопоставлять условия военного полуабсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и исключительного закона о социалистах^[11], сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг^{6{137}{138}}, катедер-социалисты^[12]), но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий защиту бернштейнцев. *Стоят* ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейнцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Р. Д.» № 2–3, стр. 83–84). Ссылка на «непримиримость» французов – помимо своего «исторического» (в ноздревском смысле) значения – оказывается просто попыткой замаять сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнцы» терпимы еще в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюции, решительно отвергнувшей «поправки» Бернштейна^[13], и любекской, содер-

⁶ Когда Энгельс обрушился на Дюринга, ко взглядам последнего склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. сыпались на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внес (на съезде 1877 года^[137]) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a»^[138], как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts», 1877, № 65 от 6-го июня). Как видите, это – тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

^[137] 27–29 мая (н. ст.) 1877 года в г. Готе состоялся очередной съезд Социалистической рабочей партии Германии. На съезде, при обсуждении вопроса о партийной прессе, были отклонены попытки некоторых делегатов (Мост, Вальтейх) осудить центральный орган партии газету «Vorwärts» («Вперед») за печатание статей Энгельса против Дюринга (вышедших в 1878 году отдельной книгой: «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») и самого Энгельса – за резкость полемики. Вместе с тем по практическим соображениям съезд решил продолжать дискуссии по теоретическим вопросам не в газете, а в научном приложении к ней.

^[138] «Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить в Лейпциге в 1876 году под редакцией В. Либкнехта и др. После перерыва, вызванного введением в 1878 году исключительного закона против социалистов, издание «Vorwärts» было возобновлено в Берлине в 1891 году. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. «Vorwärts» тенденциозно освещал борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции стал одним из центров анти-советской пропаганды. Издание газеты было прекращено в 1933 году.

жащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну^[14]. Можно спорить, сточки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды *отклонила* бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» – значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами⁷⁽¹³⁹⁾.

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед *русской* социал-демократией с требованием «свободы критики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? – Об этом «Р. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. Или несправедливо обиженной стороной является не кто иной, как само «Р. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Р. Делу»), Тогда чем объяснить такую странность, что «Р. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштейнианством, не могло защитить себя, не замолвив словечка за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? Или несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Р. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А затем обратите внимание на это *первое* фактическое применение хваленной «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Р. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера^[15]) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни *просто-напросто* списать последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики – рабская, хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях,сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей – несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих

⁷ Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Р. Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., напр., № 2–3, стр. 66— о Штутгартском съезде⁽¹³⁹⁾; все разногласия сведены к «тактике», и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4–5, стр. 25 и след. – простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (как и в № 2–3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4–5 читаем: «... взгляды, изложенные Бебелем, имеют за себя огромное большинство съезда», а несколько ниже: «... Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) (так! *Ред.*) стоят на почве классовой борьбы...». Это писалось в декабре 1899 г., а в сентябре 1901 г. «Р. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный!

^[139] Штутгартский съезд Германской социал-демократической партии, происходивший 3–8 октября (н. ст.) 1898 года, впервые обсуждал вопрос о ревизионизме в германской социал-демократии. На съезде было оглашено специально присланное заявление находившегося в эмиграции Э. Бернштейна, в котором он излагал и защищал свои оппортунистические взгляды, высказанные им ранее в серии статей «Проблемы социализма» в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»). Среди противников Бернштейна на съезде не было единства: одни, во главе с Бебелем и Каутским, стремились сочетать принципиальную борьбу против бернштейнианства с осторожной внутрипартийной тактикой, опасаясь партийного раскола; другие (Р. Люксембург, Парвус) – их было меньшинство – занимали более резкую позицию, добиваясь расширения и углубления дискуссии и не пугаясь возможного раскола. Съезд не принял никакой резолюции по этому вопросу, но из хода прений, а также из других решений было видно, что большинство съезда сохранило верность идеям революционного марксизма.

целей не открытой борьбой за принципы и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым разворачиванием своей партии, в четвертой – такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Братся же говорить о свободе критики и бернштейнианства, как условия объединения *русских* социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло *русское* бернштейнианство, – это значит братся говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Р. Дело».

в) Критика в России

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомаleastшие ростки политического недовольства и протеста, – внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народолюбия, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, – до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окружающих этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...^[16]

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целостности «союза»^{8[140]}.

---

⁸ Здесь имеется в виду вышенапечатанная статья К. Тулина против Струве, составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе». См. предисловие^[140]. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

^[140] В. И. Ленин имеет в виду свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», напечатанную в 1895 году в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» и переизданную в 1907 году в сборнике статей Ленина «За 12 лет» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347–534), и предисловие к сборнику «За 12 лет» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78–96), в котором дана характеристика обстановки и история появления этой статьи. Сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», включавший, наряду со статьей Ленина, статьи Г. В. Плеханова «Пессимизм как отражение экономической действительности» и «Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе)», П. Струве «Моим критикам» и другие, был напечатан в апреле 1895 года в легальной типографии в количестве 2000 экземпляров; царское правительство запретило его распространение и, продержав сборник целый год под запретом, конфисковало и сожгло его. Удалось спасти лишь около 100 экземпляров, которые тайно распространялись среди социал-демократов в Петербурге и других городах.

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления – естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензоры с жандармами, это видно из таких фактов, как появление *трех* русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна^[17] или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10)^[18]. На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков социал-демократов к «экономизму».

Как возникла и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального «экономизма», этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo»⁹ потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: тред-юнионистскую борьбу, ибо последняя

⁹ Символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Тред-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой, легальная критика – второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против «экономизма», что если бы не было «Credo» – его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы»¹⁰{¹⁴¹}{¹⁴²}. приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего «экономизма»: боязнь гласности. Это именно черта «экономизма» вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Рабочая Мысль»¹¹, самый прямой и самый честный сторонник «экономизма», и «Р. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e»¹¹{¹⁴³}), и Киевский комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего «Profession de foi»¹² вместе с написанным против него опровержением¹², и многие, многие отдельные представители «экономизма».

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство «экономистов» совершенно искренно смотрит (и, по самому существу «экономизма», должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты сорганизовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!» – сказал мне однажды один из довольно последовательных «экономистов», и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто тред-юнионистское) воззрение: наше дело – рабочее движение, рабочие организации

¹⁰ Речь идет о *протесте 17-ти* против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года¹⁴¹. В настоящее время из статьи г-жи Кусковой (кажется, в «*Былом*»¹⁴²) уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Прокопович. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

¹⁴¹ Речь идет о «*Протесте российских социал-демократов*», написанном В. И. Лениным в августе 1899 года после получения им из Петербурга от А. И. Ульяновой-Елизаровой документа, названного ею «Credo молодых» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163–176). Проект «Протеста» против «Credo» российских бернштейнианцев обсуждался на собрании семнадцати ссыльных социал-демократов Минусинского округа в селе Ермаковском (место ссылки А. А. Ванеева, П. Н. Лепешинского, М. А. Сильвина и др.). Протест был принят единогласно и подписан В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. В. Старковым, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановским, З. П. Кржижановской-Невзоровой, Ф. В. Ленгником, Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвиным, В. К. Курнатовским, П. Н. Лепешинским, О. Б. Лепешинской, петербургскими рабочими О. А. Энгбергом, А. С. Шаповаловым, Н. Н. Паниным. К «Протесту» присоединились не присутствовавшие на собрании И. Л. Проминский, М. Д. Ефимов, Чекальский и Ковалевский, а также колония ссыльных в Туруханске (Ю. О. Мартов и др.). Против «Credo» «экономистов» выступила также колония семнадцати ссыльных социал-демократов города Орлова, Вятской губернии (В. В. Боровский, Н. Э. Бауман, А. Н. Потресов и др.).

¹⁴² «*Былое*» – исторический журнал, посвященный главным образом истории народничества и более ранних общественных движений; основан В. Л. Бурцевым. В 1900–1904 годах издавался в Лондоне; в 1906–1907 годах – в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, при участии Бурцева. В 1907 году издание «Былого» было запрещено правительством, и вместо №№ 11 и 12 был выпущен исторический сборник «Наша страна». В 1908 году вместо «Былого» издавался журнал «Минувшие Годы», а в 1909 – исторический сборник «Минувшее». В 1908 году Бурцев возобновил заграничное издание «Былого» (в Париже), продолжавшееся до 1912 года. В России издание «Былого» возобновилось в 1917 году и продолжалось до 1926 года. Его редактором после Великой Октябрьской социалистической революции являлся П. Е. Щеголев.

¹¹ В «Путеводителе»¹⁴³. *Ред.*

¹⁴³ «Vademecum для редакции «Рабочего Дела». Сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова» (Женева, февраль 1900 г.) был направлен против оппортунизма в рядах РСДРП, главным образом против «экономизма» заграничного «Союза русских социал-демократов» и его органа – журнала «Рабочее Дело».

¹² Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился.

здесь, в нашей местности, а остальное – выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры» в унисон с № 10 «Р. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносившей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что «Р. Дело» не делало ни того, ни другого, ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского «экономизма». Взгляните, в самом деле, на текст той резолюции, которой «Союз русских социал-демократов за границей» подтвердил точку зрения «Р. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет вразрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партийтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной, «союзники» и не замечают, какое *testimonium paupertatis* (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!., «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партийтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнианцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «тесно ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом именно те поправки, которые делал Бернштейн, а любекской – объявили предостережение *Бернштейну лично*, назвав его в резолюции. Между тем, наши «свободные» подражатели *ни единым звуком* не намекают *ни на одно* проявление специально русской «критики» и русского «экономизма»; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора лжетолкованиям, особенно если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к п. I). Это, однако, мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и «экономисты» стоят за сохранение того, что есть: «критики» хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой *партийной* связи они, в сущности, никогда не признавали¹³. да и не было у нас такого

¹³ Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику,

общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом); «экономисты» хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Р. Д.» № 10, стр. 25), т. е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («Письмо» в № 12 «Искры»); чтобы признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они ведут в действительности в данную минуту» («Отдельное приложение к «Р. Мысли»», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т. е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что, «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры»)¹⁴. Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) Энгельс о значении теоретической борьбы

«Догматизм, доктринерство», «окаменение партии – неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли», – таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются борборники «свободы критики» в «Раб. Деле». – Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно – «Программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело»» (оттиск из № 1 «Р. Д.»). Другое – «Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»»^[21]. Оба помечены 1899 годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять по этому вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время – ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд «Союза» 1901 года^[22] («Два съезда», стр. 15–18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окаменения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то общеевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену

Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), по-видимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решается расстаться с общим принципом» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный поработанного политически государства, в котором ⁹⁹⁹/₁₀₀₀ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, – высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии!» Только и остается нелегальным организациям нашим, как приняться за составление резолюций о свободе критики...

¹⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 358. *Ред.*

одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить поэтому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»^[23]. Повторять эти слова в эпоху теоретического разброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о Готской программе^[24], в котором он *резко порицает* допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединяться – писал Маркс вожакам партии – то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал «экономистам» Аксельрод^[25]) оживлением не социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что роль *передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), – как это принято делать у нас, – *а три, ставя*

наряду с ними и теоретическую борьбу. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надеемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»¹⁵, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое – то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, – единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, – а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме – у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, – так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е.

---

¹⁵ Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei («Крестьянская война в Германии». Третье издание. Лейпциг, 1875 г. Кооперативное издательство. *Ред.*).

чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

...Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут – не то что маршировать во главе движения – это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, – но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»^[26].

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II. Стихийность масс и сознательность социал-демократии

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такую же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался в том, что сила современного движения – пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его – недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако в самое последнее время сделано сногсшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Р. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и «Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню – к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно «планомерного» элемента». Обвинительный тезис «Рабоч. Дела» гласит: «*преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития*»¹⁶. Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Р. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

---

¹⁶ «Раб. Дело» № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

а) Начало стихийного подъема

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года¹⁷. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности – рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» – до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.¹⁷ Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократи-

---

¹⁷ Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (но не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

ческой теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* – (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации»^[281]) – не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»^[291], был составлен еще в конце 1895 года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 года у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева¹⁸. и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы^[30]. Затем была статья «О чем думают наши министры?»¹⁹. посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей России (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.^[31]). Таким образом этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политической реакцией мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неудача же предприятия доказала лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок»^[32] и в особенности про «Рабочую Газету» и про «Манифест» образованной весной 1898 года Российской социал-демократической рабочей партии^[33]. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки, необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895–1898 гг. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения, выступать с самой широкой программой и боевой тактикой²⁰. Неподготовленность же большинства революционеров, будучи явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная, раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, – временные неудачи представляли из

¹⁸ А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ругаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

¹⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 75–80. *Ред.*

²⁰ «Отрицательно относясь к деятельности соц. – дем. конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования», – заявляют «экономисты» в своем «Письме в русские социал-демократические органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» диаметрально противоположно истине. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для *иной* работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, – «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство пред стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свои недостатки?

себя полбеда. Революционная опытность и организаторская ловкость – вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеда сделалась настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди, – и даже социал-демократические органы, – которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболепство и преклонение пред стихийностью*. Этому направлению, содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма», пора подвести итоги.

б) Преклонение пред стихийностью. «Рабочая мысль»

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»^[34]. Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «Уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9–10 «Листка «Работника»»^[35] (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние «экономисты»). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единственно* та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело «экономизм» на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем сослаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И – а («Листок «Работника»» № 9–10, стр. 47 и ел.), который не преминул, разумеется, усердно – не по разуму усердно – расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет²¹. А на передовице этой стоит остановиться – настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и «экономизма» вообще.

²¹ Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда «экономизм», особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И – а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «... Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих²². – а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной тред-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения – «борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение с спором «декабристов» с «молодыми» в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой»²³ и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью – стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западноевропейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского тред-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба²⁴ есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, – и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных* разногласий²⁵.

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем*. Это кажется каламбуром, но это – увы! – горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто – не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот

существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

²² Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу подействовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

²³ Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии», которые повторяли грубое опoшление «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за *такое же* понимание отношения политики и экономики!

²⁴ У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

²⁵ Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим именем о тебе сказка сказывается. Ред.) – ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет *доказано* ниже.

общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года, – то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении «экономизма» мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой нерабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только тред-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась – бессознательно для самой себя – осуществлять программу «Credo». Это показывает, – (чего никак не может понять «Р. Дело»), – что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, – *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, – усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*. Все, кто толкует о «переоценке идеологии»²⁶, о преувеличении роли сознательного элемента²⁷ и т. п., воображают, что чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии^{28{144}{145}}:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая

²⁶ Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

²⁷ «Р. Дело» № 10.

²⁸ «Neue Zeit»^{144}, 1901–1902, XX, I, № 3, стр. 79. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде^{145}.

^{144} «Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса (в № 18 за 1890–1891 г.), «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса (в № 1 за 1901–1902 г.) и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допуски в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг, В. Адлер и др. Со второй половины 90-х годов в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

^{145} На Венском съезде Австрийской социал-демократической партии, происходившем 2–6 ноября (н. ст.) 1901 года, была принята новая партийная программа взамен старой, Гайнфельдской программы (1888). В проекте новой программы, подготовленном специальной комиссией (В. Адлер и др.) по поручению Брюннского съезда 1899 года, были сделаны серьезные уступки бернштейнианству, что вызвало ряд критических замечаний; в частности К. Каутский в статье «Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich» («Пересмотр программы австрийской социал-демократии»), опубликованной в журнале «Die Neue Zeit», 1901–1902, № 3, высказался за сохранение принципиальной части Гайнфельдской программы, как более полно и правильно выражающей понимание социал-демократией общего хода исторического процесса и задач рабочего класса.

австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (*von außen Hineingetragenes*) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (*urgwüchsig*) из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришел его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи²⁹. то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, *идет именно по программе* «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschaftlerei*, а тред-юнионизм озна-

²⁹ Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это*, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки *«литературы для рабочих»*, а учились бы овладеть все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» – были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

чает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в *борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, *совершенно равносильна* поэтому *отказу от социализма*, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассаля пред немецким рабочим движением? В том, что он *совлек* это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (*при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных*). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была *отчаянная борьба со стихийностью*, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по сей час (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве^[36]). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая – в гирш-дункеровские^[37], основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья – в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же – спросит читатель – стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает *неизмеримо* большими средствами распространения³⁰. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы «экономического» письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклоне-

³⁰ Часто говорят: рабочий класс *стихийно* влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, *если* только эта теория сама не пасует перед стихийностью, *если* только она подчиняет себе стихийность. Обычно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

нием пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба *неразрывна* с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику*. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику тред-юнионистскую, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским тред-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики*, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «Группа самоосвобождения»^[38] и «рабочее дело»

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом выплывала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И.—ъ был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Листок «Работника»» № 9–10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором» и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полюемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи «экономистов»), мы отметим только вкратце «Воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне»^[39] № 7, июль 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия *еще только просыпается*, только осматривается кругом и *инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы*», но делают из этого тот же неправильный вывод, как и «Р. Мысль», забывая, что инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе тред-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией – буржуазная (тред-юнионистская) идеология. Точно так же не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация

должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Р. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» «экономистов». Сказав *прямою неправду* в первом же своем номере (№ 1, стр. 141–142), будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший «экономистов» в своей известной брошюре³¹. «Раб. Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело *защитить* всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения «экономистов» Аксельродом в узости)^[40]. На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Р. Дело» прекрасно знало, что оно падало, между прочим, и на члена его редакции В. И.— на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Р. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов»³². Эта брошюра писана в 1897 году, еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и вправе был считать господствующим *первоначальное* направление СПБ. «Союза борьбы», охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим. Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности «экономизма» на брошюру, излагавшую взгляды, которые были *вытеснены* в С.-Петербурге в 1897–1898 г. «экономическими» взглядами, «Р. Дело» не имело ни малейшего права³³.

Но «Р. Дело» не только «защищало» «экономистов», а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Дела»: «важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом *будет определять задачи* (курс, наш) и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы *массовое рабочее движение*» (курс. «Р. Д.»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: *или* в смысле преклонения пред стихийностью этого движения, т. е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «Группы самоосвобождения» и прочих «экономистов»); *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» *избавляет* нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению *первой* задачей – низвержение самодержавия, принижая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

³¹ «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

³² См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433–470. *Ред.*

³³ Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорил П. Б. Аксельрод») «Р. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах»» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший в 1900 году. А первый номер «Р. Д.» (с рецензией) вышел в *апреле 1899 года*. Неужели в 1899 году только возник «экономизм»? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест *русских* социал-демократов против «экономизма» (протест против «Credo»). (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163–176.) «Экономизм» же возник в 1897 году, как это отлично знает «Р. Дело», ибо В. И.— уже в ноябре 1898 года («Лист. «Раб.»» № 9–10) расхваливал «Раб. Мысль».

Миная статью редактора «Раб. Дела» Б. Кричевского в № 7 – «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки³⁴, перейдем прямо к № 10 «Р. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Р. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, – она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искры»)³⁵ и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искры»)³⁶.

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, – с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы назвали преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» *этой* болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть «*процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией*» (стр. 11, курс. «Р. Д.»). Это последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: «*куда идти?*» руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и последующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет из себя, однако, не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и *программу целого направления*, именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности. «Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энер-

³⁴ «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих из экономической борьбы. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно неосновательных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, следовательно, в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс, наш). Это «следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономической интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Б. Кричевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (– политика следует за экономической и т. п.) и бернштейнцев немецкой (напр., Вольфман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции).

³⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 376. *Ред.*

³⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 6–7. *Ред.*

гии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов – образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, – один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, – один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой – у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедовать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план – у тех, кто подготавливал и осуществлял издание нелегального органа^[41]. Глядя назад, много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути, – нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент смуты³⁷, когда русские «критики» и «экономисты» принижают социал-демократию до тред-юнионизма, а террористы усиленно проповедают принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубокомыслием значит выдавать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и организации»³⁸. недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы, – в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» – значит не только теоретически опощлять марксизм, но и практически *тащить партию назад*.

«Революционер-социал-демократ имеет задачей, – поучает нас далее «Р. Дело», – своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к *преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития*» (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братией. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, *сознательного* элемента, ибо у него не хватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об «оценке *сравнительного* (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна

³⁷ Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) – так озаглавил Меринг тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

³⁸ Из передовой статьи № 1 «Искры». (См. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 374. *Ред.*)

«преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование *в недостатке сознательности*, в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов, кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (!), то он доказывает этим лишь, что он (1) теоретически – понимает марксизм à la Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым, (2) практически – вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнианство, а наших социал-демократов в «экономизм», и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало *совлечь* русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом, – так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума не доставало? – так мудрость «новейших социалистов» (à la Нарцис Тупорылов^[42]) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем тоже, что у всякого хватит. Для такого участия достаточно *поддаваться* – «экономизму», когда царит «экономизм», – терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело» весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р. Д.» № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем, – но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности, – как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться *за хвост* движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом³⁹, то «Р. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, какая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу!⁴⁰ То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону «экономизма», и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости, обвиняя «Искру» и «Зарю» в «противопоставлении своей программы движению как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее до «своей программы»? Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем – очень

³⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 7–8. *Ред.*

⁴⁰ Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Освобождение труда» *обобщала* опыт предшествующего революционного движения.

и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом*. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшения стихийного элемента развития».

* * *

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность – наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением.

В первой главе мы констатировали принижение «Раб. Делом» наших теоретических задач и «стихийное» повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших не хватило «сознательности» понять диаметрально противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и в России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выразалось это преклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

III. Тред-юнионистская и социал-демократическая политика

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба» – так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63) – так формулировал он суть этих разногласий. «...«Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной организационной связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Р. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами» по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политику», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на тред-юнионистское понимание политики. Совершенно так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за *образец* экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор – мы постараемся показать это – на нас не вправе будут претендовать ни авторы «Отдельного приложения к «Раб. Мысли»», ни авторы прокламации «Группы самоосвобождения», ни авторы «экономического» письма в № 12 «Искры».

а) Политическая агитация и ее сужение экономистами

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической⁴¹ борьбы русских рабочих шло рука об руку с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листочков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидели, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их, – они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех*. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» – благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличения были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличение безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма⁴².

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличений. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что *сама по себе* это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только тред-юнионистская деятельность. Обличения захватывали, в сущности, только отношения рабочих *данной профессии* к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто

---

⁴¹ Заметим, ко избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбой.

⁴² В настоящей главе мы говорим только о *политической* борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «излишнем воздержании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, разжевано Мартыновым в его брошюре «Социал-демократия и рабочий класс»). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Р. Дела» и «Р. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать к доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре», – пишут они, – «волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

коммерческой сделки. Эти обличения могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к не социал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет немущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим *теперь*, после первого натиска на «экономизм» со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» была задумана В. И. Лениным еще весной 1901 года: написанная в мае статья «С чего начать?» была, по его словам, наброском плана, который был впоследствии подробно развит в «Что делать?» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 9). Вплотную к работе над книгой Ленин приступил только осенью 1901 года. В декабре в «Искре» № 12 была напечатана статья Ленина «Беседа с защитниками экономизма», которую он впоследствии называл конспектом «Что делать?»; в этой статье Ленин писал: «... Мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора» (там же, стр. 367). В январе 1902 года Ленин заканчивает работу над книгой, в феврале пишет предисловие, а 10 марта, в «Искре» № 18, было напечатано сообщение о ее выходе из печати.

2.

«Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса.

3.

Весной и летом 1901 года между заграничными социал-демократическими организациями («Союз русских социал-демократов», Заграничный комитет Бунда, революционная организация «Социал-демократ» и заграничный отдел организации «Искры» – «Зари») при посредстве и по инициативе группы «Борьба» велись переговоры о соглашении и объединении. Для подготовки съезда, на котором должно было произойти объединение, в Женеве в июне 1901 года была созвана конференция представителей этих организаций, – отсюда ее название: «июньская» или «женевская» конференция. На этой конференции была выработана резолюция («принципиальное соглашение»), признавшая необходимым сплочение всех социал-демократических сил России и, в частности, объединение заграничных социал-демократических организаций, осудившая оппортунизм во всех его проявлениях и оттенках: «экономизм», бернштейнианство, мильеранизм и т. п. (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 22–24). Однако новый поворот «Союза русских социал-демократов» и его органа – журнала «Рабочее Дело» к оппортунизму (статьи Б. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» и А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» в № 10 «Рабочего Дела» за сентябрь 1901 года и оппортунистические поправки III съезда «Союза» к резолюции июньской конференции) предопределил неудачу попытки объединения.

4.

«Рабочее Дело» – журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплового (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов»; «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. «Рабочедельцы» пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии. Один из редакторов «Рабочего Дела» В. П. Иваншин принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли» – органа откровенных «экономистов», которому

«Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде РСДРП «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.

5.

«Рабочая Газета» – нелегальный орган киевских социал-демократов; выходила в Киеве при участии и под редакцией Б. Л. Эйдельмана, П. Л. Тучапского, Н. А. Вигдорчика и других. Всего вышло два номера газеты: № 1 – в августе 1897 года и № 2 – в декабре (помечен ноябрем) того же года. Ездивший за границу П. Л. Тучапский по поручению редакции ознакомил Г. В. Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» с № 1 «Рабочей Газеты» и получил их согласие на сотрудничество в газете. Г. В. Плеханов в письме к членам редакции дал положительную оценку «Рабочей Газеты» как общерусского социал-демократического органа и указал на необходимость уделять больше внимания вопросам политической борьбы пролетариата. № 2 «Рабочей Газеты» в результате связи с группой «Освобождение труда» носил более определенный политический характер. Группировавшиеся вокруг «Рабочей Газеты» социал-демократы вели работу по подготовке I съезда РСДРП.

6.

Юпитер и Минерва – боги древнеримского пантеона. Юпитер – бог неба, света и дождя, громовержец; позднее – верховное божество римского государства. Минерва – богиня войны и покровительница ремесел, наук и искусств. В римской мифологии Юпитер и Минерва отождествляются с греческими богами Зевсом и Афиной; на них переносятся все мифы о Зевсе и Афине, в том числе миф о рождении Афины во всеоружии из головы Зевса.

7.

В. И. Ленин приводит в собственном переводе выдержку из предисловия Ф. Энгельса к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 210).

8.

«Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 году по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы группы. На группу было возложено редактирование изданий «Союза», и в марте 1895 года она передала в пользование «Союза» свою типографию. Летом 1895 года, во время пребывания за границей В. И. Ленина, было принято решение об издании «Союзом» сборников «Работник», причем российские социал-демократы, по предложению которых предпринималось это издание, поставили условием редактирование сборников группой «Освобождение труда». «Союз» выпустил 6 номеров «Работника», 10 номеров «Листка «Работника»», издал работу В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» (1897), работу Г. В. Плеханова «Новый поход против русской социал-демократии» (1897) и др.

9.

«Заря» – марксистский научно-политический журнал, издавался в 1901–1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 – в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2–3 – в декабре 1901 года, № 4 – в августе 1902 года. Задачи «Зари» были определены в проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322–333). Поскольку при обсуждении вопроса об издании этих органов за границей, совместно с группой «Освобождение труда», было решено издавать «Зарю» легально, а

«Искру» нелегально, в опубликованном в октябре 1900 года заявлении редакции «Искры» о «Заре» уже не упоминалось.

10.

Гора и Жиронда – название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой – якобинцами – называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени – буржуазии, – отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

11.

Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; за годы действия исключительного закона было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 900 социал-демократов было выслано из Германии и 1500 брошено в тюрьмы, сотни газет, журналов и неперидических изданий были запрещены. Однако преследования и репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 гг.) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Работая в подполье, партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, – и ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен.

12.

Катедер-социалисты – представители одного из направлений в буржуазной политической экономии 70–80-х годов XIX века, которые проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазно-либеральный реформизм. Возникновение катедер-социализма было обусловлено страхом эксплуататорских классов перед распространением марксизма и ростом рабочего движения, стремлением буржуазных идеологов найти новые средства, чтобы удерживать в подчинении трудящихся.

13.

В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Ганноверского съезда Германской социал-демократической партии, происходившего 9–14 октября (н. ст.) 1899 года, «Нападения на основные взгляды и тактику партии». В резолюции были осуждены попытки оппортунистического крыла германской социал-демократии, идейно возглавлявшегося Э. Бернштейном, ревизовать основные положения марксизма и добиться изменения тактики социал-демократической партии, превращения ее в партию демократических реформ. С официальным докладом по этому вопросу выступил А. Бебель. «Его речи против оппортунистов на партийных съездах в Ганновере и Дрездене, – писал Ленин, – надолго останутся образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-

социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268). Защиту Бернштейна и бернштейнианства взял на себя известный оппортунист Э. Давид.

14.

В. И. Ленин имеет в виду резолюцию Любекского съезда Германской социал-демократической партии (22–28 сентября (н. ст.) 1901 года), направленную против Э. Бернштейна, который не только не прекратил после Ганноверского съезда 1899 года своих нападок на программу и тактику социал-демократии, но напротив – усилил их и даже перенес в непартийную среду. В ходе прений и в резолюции, предложенной Бебелем и принятой подавляющим большинством съезда, Бернштейну было сделано прямое предупреждение: «Съезд признает безусловно необходимость самокритики для дальнейшего духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, не вдаваясь в критику буржуазного общества и его представителей, поставил его в двусмысленное положение и вызвал недовольство большинства товарищей. В надежде на то, что тов. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, съезд переходит к очередным делам». Контррезолюция оппортуниста Гейне, требовавшая «свободы критики» и обходившая молчанием вопрос о Бернштейне, была отвергнута. Однако на Любекском съезде принципиально не был поставлен вопрос о несовместимости ревизии марксизма с пребыванием в рядах социал-демократической партии.

15.

Имеется в виду статья А. Н. Потресова (Старовера) «Что случилось?», напечатанная в журнале «Заря» № 1, апрель 1901 года.

16.

«О писателе, который зазнался» – название одного из рассказов А. М. Горького (см. М. Горький. Собрание сочинений, т. 5, 1950, стр. 306–314).

17.

Книга Э. Бернштейна «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») была издана в 1901 году в переводе на русский язык под различными названиями: 1) «Исторический материализм». Пер. Л. Канцель. Спб., «Знание»; 2) «Социальные проблемы». Пер. П. С. Когана. М.; 3) «Проблемы социализма и задачи социал-демократии». Пер. К. Я. Бутковского. М., изд. Ефимова.

18.

О рекомендации Зубатовым книг Бернштейна и Прокоповича для чтения рабочим сообщалось в письме в редакцию «Искры» «О зубатовщине», использованном в статье Мартова «Еще о политическом развороте наших дней» («Искра» № 10, ноябрь 1901 г.).

19.

«Рабочая Мысль» – газета; орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, №№ 3–11 вышли за границу, в Берлине; печатание №№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний № 16 вышел за границу. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

20.

«Profession de foi» (символ веры, программа, изложение миросозерцания) – листовка, излагавшая оппортунистические взгляды Киевского комитета РСДРП; составлена в конце 1899 года. Содержание листовки во многом совпадает с известным «Credo» «экономистов». Критика этого документа дана Лениным в статье «По поводу «Profession de foi»», распространявшейся в рукописных и машинописных списках (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 310–321).

21.

Группа «Освобождение труда» – первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 году в Швейцарии. Кроме Плеханова в группу входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов.

22.

III съезд «Союза русских социал-демократов» состоялся во второй половине сентября 1901 года в Цюрихе; его решения свидетельствовали об окончательной победе оппортунизма в рядах «Союза». На съезде были приняты поправки и дополнения к проектам принципиального соглашения и договора заграничных организаций русских социал-демократов, выработанным на женеvской конференции в июне 1901 года, которые имели откровенно оппортунистический характер; это предопределило неудачу «объединительного» съезда заграничных организаций РСДРП, состоявшегося через несколько дней после III съезда «Союза». На съезде были также утверждены «Инструкции для редакции «Рабочего Дела»», фактически поощрявшие ревизионистов тем, что умалчивали о борьбе революционной и оппортунистической тенденций в международной и русской социал-демократии, о необходимости критики ревизионизма и обоснования революционной сущности марксизма.

23.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7.

24.

Готская программа – программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух существовавших до того отдельно немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 5–38).

25.

Имеется в виду брошюра П. Б. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898.

26.

В. И. Ленин приводит в собственном переводе отрывок из предисловия Ф. Энгельса к его работе «Крестьянская война в Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 604–606).

27.

Говоря о «знаменитой петербургской промышленной войне 1896 года», В. И. Ленин имел в виду массовую стачку рабочих-текстильщиков Петербурга в мае – июне 1896 года. Поводом к ней явился отказ фабрикантов полностью выплатить рабочим заработную плату за нерабочие дни по случаю коронации Николая II. Стачка началась на Российской бумагопрядильной мануфактуре (Калинкинской) и быстро охватила все бумагопрядильные и ткацкие предприятия Петербурга, а затем и крупные машиностроительные заводы и др. предприятия. Петербургский пролетариат впервые выступил широким фронтом на борьбу с эксплуататорами. Бастовало свыше 30 тысяч рабочих. Стачка проходила под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который выпускал листовки, призывавшие рабочих дружно и стойко отстаивать свои права. «Союзом борьбы» были напечатаны и распространены основные требования рабочих («Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен»): сокращение рабочего дня до 10 1/2 часов, повышение расценок, своевременная выплата заработной платы и т. д. Петербургские стачки способствовали развитию стачечного движения по всей России и вынудили царское правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон 2 (14) июня 1897 года о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11 1/2 часов. Они, как писал впоследствии Ленин, «открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78).

28.

Брошюра «Об агитации» была написана в 1894 году в Вильно А. Кремером (впоследствии – один из организаторов Бунда) и отредактирована Ю. О. Мартовым; первоначально распространялась в рукописных списках и в гектографированном виде, а в конце 1897 года была напечатана в Женеве с предисловием и послесловием П. Б. Аксельрода. Брошюра, обобщавшая опыт социал-демократической работы в Вильно, имела большое влияние на русских социал-демократов, поскольку в ней содержались призывы отказаться от замкнутой кружковой пропаганды и переходить к массовой агитации среди рабочих на почве их повседневных нужд и требований. Однако преувеличение роли и значения чисто экономической борьбы, в ущерб политической агитации на почве общедемократических требований, являлось зародышем будущего «экономизма». Односторонность «Виленского экономизма» отметил П. Б. Аксельрод в послесловии к женевскому изданию брошюры; Г. В. Плеханов подверг критическому анализу брошюру «Об агитации» в статье «Еще раз социализм и политическая борьба» («Заря» № 1, апрель 1901 г., стр. 1–32).

29.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный В. И. Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских рабочих кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Ю. О. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывали эти группы с фабриками и заводами. На заводах имелись организаторы по сбору информации и распространению литературы; на крупных предприятиях были созданы рабочие кружки.

30.

Передовая статья «К русским рабочим», написанная В. И. Лениным для газеты «Рабочее Дело», до настоящего времени не разыскана.

31.

Имеется в виду расправа с бастовавшими рабочими ярославской Большой мануфактуры 27 апреля (9 мая) 1895 года. Причиной стачки, охватившей свыше 4000 рабочих, явилось введение администрацией новых расценок, понизивших заработную плату рабочих. Для подавления стачки было вызвано 10 рот Фанагорийского полка; в ход было пущено оружие. В результате 1 рабочий был убит и 14 – ранено. На рапорте командира полка о расправе с рабочими Большой мануфактуры Николай II написал: «Спасибо молодцам-фанагорницам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

32.

«С.-Петербургский Рабочий Листок» – орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 – в феврале (помечен январем) 1897 года, напечатан в России на мимеографе в количестве 300–400 экземпляров, и № 2 – в сентябре 1897 года в Женеве, отпечатан типографским способом.

33.

Речь идет о «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», выпущенном в 1898 году по поручению I съезда РСДРП и от его имени Центральным Комитетом РСДРП (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 11–14). «Манифест» выдвигал борьбу за политическую свободу и свержение самодержавия как главную задачу российской социал-демократии, связывал политическую борьбу с общими задачами рабочего движения.

34.

Речь идет о совещаниях «стариков» – основателей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленина, А. А. Ванеева, Г. М. Кржижановского, Ю. О. Мартова и др. – с представителями нового состава «Союза борьбы», происходивших на квартирах С. И. Радченко и Ю. О. Мартова в Петербурге, между 14 и 17 февраля (26 февраля и 1 марта) 1897 года, когда старые члены «Союза борьбы» были выпущены из тюрьмы перед отправкой в сибирскую ссылку. На этих совещаниях выявились серьезные разногласия по организационным и тактическим вопросам. А. А. Якубова, которая в 1893–1895 годах входила в группу «стариков», отстаивала на совещании точку зрения нарождавшегося «экономизма»; в то же время «молодой» участник «Союза борьбы» Б. И. Горев (Гольдман) поддерживал В. И. Ленина, «стариков». Об этом писал В. И. Ленин в примечании к «Письму в редакцию» Петербуржца (К. М. Тахтарева), опубликованному в «Искре» № 40, 15 мая 1903 года: «Именно: неточность моего деления состоит в том, что «молодой», как оказалось, защищал тогда (в споре) «старых», а один «старый» – «молодых»».

35.

«Листок «Работника»» – неперIODическое издание «Союза русских социал-демократов за границей»; издавался в Женеве с 1896 по 1898 год. Вышло 10 номеров «Листка», в том числе №№ 1–8 под редакцией группы «Освобождение труда». Вследствие поворота большинства членов «Союза» к «экономизму» группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования изданий «Союза», и № 9–10 «Листка» (ноябрь 1898 г.) вышел под редакцией «экономистов».

36.

В. И. Ленин имеет в виду книгу С. П. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия», Спб., 1899 год и опубликованные

в журнале «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», XIV Band, Berlin, 1899 («Архив социального законодательства и статистики», XIV том, Берлин, 1899) статью П. Б. Струве «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung» («Марксова теория социального развития») и его рецензию на книги Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» и К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа».

37.

Гирш-дункеровские профсоюзы – реформистские профсоюзные организации Германии, созданные в 1868 году деятелями буржуазной прогрессистской партии М. Гиршем и Ф. Дункером. Проповедуя идею «гармонии» интересов труда и капитала, организаторы гирш-дункеровских профсоюзов считали допустимым прием в союзы наряду с рабочими и капиталистов, отрицали целесообразность стачечной борьбы. Они утверждали, что избавление рабочих от гнета капитала возможно в рамках капиталистического общества посредством законодательства буржуазного государства, при помощи профессиональной организации; главную задачу профсоюзов они видели в посредничестве между рабочими и предпринимателями и в накоплении денежных средств. Отрицательное отношение к стачкам превращало гирш-дункеровские профсоюзы в организации штрейкбрехеров; их деятельность ограничивалась главным образом рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. Гирш-дункеровские профсоюзы, просуществовавшие до мая 1933 года, никогда не представляли серьезной силы в германском рабочем движении, несмотря на все усилия буржуазии и поддержку правительственных органов. В 1933 году оппортунистические деятели гирш-дункеровских профсоюзов вошли в фашистский «трудовой фронт».

38.

«Группа самоосвобождения рабочего класса» – небольшая группа «экономистов»; возникла в Петербурге осенью 1898 года и просуществовала несколько месяцев. Группа выпустила воззвание с изложением своих целей (датировано мартом 1899 года, напечатано в журнале «Накануне» в июле 1899 года), устав и несколько прокламаций к рабочим.

39.

«Накануне» – «социально-революционное обозрение», ежемесячный журнал народнического направления; издавался в Лондоне на русском языке с января 1899 по февраль 1902 года под редакцией Е. А. Серебрякова; вышло 37 номеров. Вокруг журнала, проповедовавшего общедемократические взгляды, группировались представители различных мелкобуржуазных партии и течений; для «Накануне» характерно враждебное отношение к марксизму вообще, к русской революционной социал-демократии в особенности.

40.

Начало полемике группы «Освобождение труда» и редакции «Рабочего Дела» положила напечатанная в апреле 1899 года в № 1 «Рабочего Дела» рецензия на брошюру В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» (Женева, 1898). Отрицая оппортунистический характер заграничного «Союза русских социал-демократов» и усилившееся влияние «экономистов» в социал-демократических организациях России, редакция «Рабочего Дела» утверждала в этой рецензии, что «изложенная суть брошюры целиком совпадает с редакционной программой «Рабочего Дела», что редакция не знает, «про каких «молодых» товарищей говорит Аксельрод» в предисловии к брошюре.

41.

Имеется в виду газета «Der Sozialdemokrat» («Социал-Демократ») – центральный орган социал-демократической партии Германии в эпоху исключительного закона против социалистов; издавалась в Цюрихе с 28 сентября 1879 года по 22 сентября 1888 года и в Лондоне с 1 октября 1888 года по 27 сентября 1890 года. Газета редактировалась в 1879–1880 годах Г. Фольмаром, с января 1881 года Э. Бернштейном, находившимся в те годы под сильным влиянием Ф. Энгельса. Идейное руководство Энгельса обеспечивало марксистское направление «Социал-Демократа». Боевое настроение рабочих масс Германии, преодолевших первое замешательство, вызванное введением исключительного закона, имело огромное значение для деятельности газеты: «Социал-Демократ», несмотря на отдельные ошибки, твердо отстаивал революционную тактику и сыграл выдающуюся роль в собирании и организации сил германской социал-демократии. После отмены исключительного закона против социалистов издание «Социал-Демократа» было прекращено, центральным органом партии вновь стала газета «Vorwärts» («Вперед»).

42.

Имеется в виду сатирический «Гимн новейшего русского социалиста», опубликованный в «Заре» № 1, апрель 1901 года, за подписью «Нарцис Тупорылов». В нем высмеивались «экономисты» с их приспособлением к стихийному движению. Автором стихотворения был Ю. О. Мартов.

131.

Лассальянцы и эйзенахцы – две партии в германском рабочем движении 60-х и начала 70-х годов XIX века, между которыми шла ожесточенная борьба главным образом по вопросам тактики и прежде всего по самому острому вопросу политической жизни Германии тех лет: о путях ее воссоединения.

132.

Гедисты и поссибилисты – революционное и оппортунистическое течения во французском социалистическом движении, образовавшие в 1882 году, после раскола Рабочей партии Франции на Сент-Этьеннском конгрессе, две партии:

133.

Фабианцы – члены Фабианского общества, английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции – ученые, писатели, политические деятели (как, например, С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Р. Макдональд и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. Враждебное марксизму Фабианское общество играло и играет роль одного из проводников буржуазного влияния на рабочий класс, рассадника оппортунистических и социал-шовинистских идей в английском рабочем движении. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление крайнего оппортунизма» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 328). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.

134.

Народовольцы – члены тайной политической организации народников-террористов «Народная воля», возникшей в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях утопического народнического социализма, народовольцы, вместе с тем, выдвигали задачи достижения политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу, разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. Ближайшей целью «Народной воли» было свержение царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об «активных» героях и «пассивной» толпе, народовольцы рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора.

135.

Бернштейнианцы – представители враждебного марксизму течения в германской и международной социал-демократии, возникшего в конце XIX века и названного по имени Эд. Бернштейна, наиболее откровенного представителя право-оппортунистических тенденций в Германской социал-демократической партии.

136.

«Беззаглавцы» – полукadetская, полуменьшевистская группа русской буржуазной интеллигенции (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский, В. В. Португалов, В. В. Хижняков и др.), сложившаяся в период начавшегося спада революции 1905–1907 годов. Свое название группа получила по издававшемуся в Петербурге в январе – мае 1906 года под редакцией Прокоповича политическому еженедельнику «Без Заглавия»; позже «беззаглавцы» группировались вокруг левокадетской газеты «Товарищ». Прикрываясь своей формальной беспартийностью, «беззаглавцы» являлись проповедниками идей буржуазного либерализма и оппортунизма, поддерживали ревизионистов российской и международной социал-демократии.

137.

27–29 мая (н. ст.) 1877 года в г. Готе состоялся очередной съезд Социалистической рабочей партии Германии. На съезде, при обсуждении вопроса о партийной прессе, были отклонены попытки некоторых делегатов (Мост, Вальтейх) осудить центральный орган партии газету «Vorwärts» («Вперед») за печатание статей Энгельса против Дюринга (вышедших в 1878 году отдельной книгой: «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») и самого Энгельса – за резкость полемики. Вместе с тем по практическим соображениям съезд решил продолжать дискуссии по теоретическим вопросам не в газете, а в научном приложении к ней.

138.

«Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; начала выходить в Лейпциге в 1876 году под редакцией В. Либкнехта и др. После перерыва, вызванного введением в 1878 году исключительного закона против социалистов, издание «Vorwärts» было возобновлено в Берлине в 1891 году. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. «Vorwärts» тенденциозно освещал борьбу

против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции стал одним из центров антисоветской пропаганды. Издание газеты было прекращено в 1933 году.

139.

Штутгартский съезд Германской социал-демократической партии, происходивший 3–8 октября (н. ст.) 1898 года, впервые обсуждал вопрос о ревизионизме в германской социал-демократии. На съезде было оглашено специально присланное заявление находившегося в эмиграции Э. Бернштейна, в котором он излагал и защищал свои оппортунистические взгляды, высказанные им ранее в серии статей «Проблемы социализма» в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»). Среди противников Бернштейна на съезде не было единства: одни, во главе с Бебелем и Каутским, стремились сочетать принципиальную борьбу против бернштейнианства с осторожной внутрипартийной тактикой, опасаясь партийного раскола; другие (Р. Люксембург, Парвус) – их было меньшинство – занимали более резкую позицию, добиваясь расширения и углубления дискуссии и не пугаясь возможного раскола. Съезд не принял никакой резолюции по этому вопросу, но из хода прений, а также из других решений было видно, что большинство съезда сохранило верность идеям революционного марксизма.

140.

В. И. Ленин имеет в виду свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», напечатанную в 1895 году в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» и переизданную в 1907 году в сборнике статей Ленина «За 12 лет» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347–534), и предисловие к сборнику «За 12 лет» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78–96), в котором дана характеристика обстановки и история появления этой статьи.

141.

Речь идет о «Протесте российских социал-демократов», написанном В. И. Лениным в августе 1899 года после получения им из Петербурга от А. И. Ульяновой-Елизаровой документа, названного ею «Credo молодых» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163–176). Проект «Протеста» против «Credo» российских бернштейнианцев обсуждался на собрании семнадцати ссыльных социал-демократов Минусинского округа в селе Ермаковском (место ссылки А. А. Ванеева, П. Н. Лепешинского, М. А. Сильвина и др.). Протест был принят единогласно и подписан В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. В. Старковым, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановским, З. П. Кржижановской-Невзоровой, Ф. В. Ленгником, Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвиным, В. К. Курнатовским, П. Н. Лепешинским, О. Б. Лепешинской, петербургскими рабочими О. А. Энгбергом, А. С. Шаповаловым, Н. Н. Паниным. К «Протесту» присоединились не присутствовавшие на собрании И. Л. Проминский, М. Д. Ефимов, Чекальский и Ковалевский, а также колония ссыльных в Туруханске (Ю. О. Мартов и др.). Против «Credo» «экономистов» выступила также колония семнадцати ссыльных социал-демократов города Орлова, Вятской губернии (В. В. Боровский, Н. Э. Бауман, А. Н. Потресов и др.).

142.

«Былое» – исторический журнал, посвященный главным образом истории народничества и более ранних общественных движений; основан В. Л. Бурцевым. В 1900–1904 годах

издавался в Лондоне; в 1906–1907 годах – в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева, при участии Бурцева. В 1907 году издание «Былого» было запрещено правительством, и вместо №№ 11 и 12 был выпущен исторический сборник «Наша страна». В 1908 году вместо «Былого» издавался журнал «Минувшие Годы», а в 1909 – исторический сборник «Минувшее». В 1908 году Бурцев возобновил заграничное издание «Былого» (в Париже), продолжавшееся до 1912 года. В России издание «Былого» возобновилось в 1917 году и продолжалось до 1926 года. Его редактором после Великой Октябрьской социалистической революции являлся П. Е. Щеголев.

143.

«Vademecum для редакции «Рабочего Дела». Сборник материалов, изданный группой «Освобождение труда» с предисловием Г. Плеханова» (Женева, февраль 1900 г.) был направлен против оппортунизма в рядах РСДРП, главным образом против «экономизма» заграничного «Союза русских социал-демократов» и его органа – журнала «Рабочее Дело».

144.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса (в № 18 за 1890–1891 г.), «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса (в № 1 за 1901–1902 г.) и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг, В. Адлер и др. Со второй половины 90-х годов в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

145.

На Венском съезде Австрийской социал-демократической партии, происходившем 2–6 ноября (н. ст.) 1901 года, была принята новая партийная программа взамен старой, Гайнфельдской программы (1888). В проекте новой программы, подготовленном специальной комиссией (В. Адлер и др.) по поручению Брюннского съезда 1899 года, были сделаны серьезные уступки бернштейнианству, что вызвало ряд критических замечаний; в частности К. Каутский в статье «Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Österreich» («Пересмотр программы австрийской социал-демократии»), опубликованной в журнале «Die Neue Zeit», 1901–1902, № 3, высказался за сохранение принципиальной части Гайнфельдской программы, как более полно и правильно выражающей понимание социал-демократией общего хода исторического процесса и задач рабочего класса.